

ПРОПОВЕДЬ НОВОЙ ЕСТЕСТВЕННОСТИ (О романе А. Каменского «Люди»)

В литературе существуют некоторые неумирающие идеалы, которые проявляются в известные исторические эпохи у разных народов и под разными личинами, оставаясь в своей логической сущности неизменными. Исторически они могут быть обоснованы и оправданы; с точки зрения общественности они приносят известную пользу; но для искусства они вредны, бесполезны и обременительны.

К таким идеалам принадлежит фикция об «естественном человеке». Почти все мечтавшие о моральном исправлении общественного строя пытались изобрести своего «естественному человека». Его педагогическое удобство было слишком очевидно: те, кому хотелось рассматривать исторические пережитки, народные традиции, общественные кристаллизации — словом, все вообще органические процессы общества не как накопление культуры, а как «ложь условностей», те для наглядности должны были противопоставлять реалистически-обличительным картинам современного им общества искусственно ими созданный идеал «естественного человека».

Как все гомункулы и автоматы, он таил в себе притягательные силы пустоты и в то же время готовил опасности и разочарования. Мало кто из великих умов Европы, начиная с Ренессанса, избежал его отравы. Открытие древних культур Америки, которые охотно были приняты за райское состояние человека, повсюду к созданию «добродетельного дикаря». Для «естественного человека» была найдена фиктивная конкретность. Уже Монтэнь начинает попрекать своих современников добродетельными — *«viri a diis recentes»*.¹

Буревестник революционных эпох — «добродетельный дикарь» в XVIII веке получает полное господство. Робинзона Пятница, трагическая идиллия Бернардена де Сен-Пьер,²

канонизация естественного человека у Руссо, даже кое-какие из персонажей в сказках Вольтера, свидетельствуют на разные лады о том же опасном и «полезном» идеале, мешающем свободному исследованию и принятию жизни.

Вызванный к существованию столькими заклинаниями, «добродетельный дикарь» появляется во время Революции, и, если 14 июля и 2 сентября он еще движим внушенною ему сурою литературною добродетелью, то третьего и четвертого сентября он уже становится тупым, кровожадным и не мудрым зверем.³

Идеализацию промышленного прогресса у Сен-Симона можно рассматривать как реакцию своего рода против диктатуры «добродетельного дикаря». Но авторитет «добродетельного дикаря» в области социальных построений далеко не подорван. В характерах современных социалистов мы можем наблюдать самые забавные арлекинады от смешения этих двух идеалов: идеала механического прогресса и идеала естественного человека. Размеры популярности Толстого и Горького на Западе свидетельствуют о неискоренимости мечты о «добродетельном дикаре».

По всему ходу своего культурного развития и по условиям переживаемой исторической эпохи, Россия оказалась обетованной страной для самых разнообразных воплощений «добродетельного дикаря». Русским утопистам и моралистам нечего было искать его в Америке, он был под руками. Идеализированный мужик, нигилист, опростившийся интеллигент, босяк... – все это различные гримасы одной и той же литературной маски. Суровый и смелый, но всегда ограниченный моральной идеей, реализм русского романа органически слился с антихудожественным идеалом «естественного человека». Добродетельный дикарь нашел свои пути и ходы в литературе. Он стал представителем естественной народной совести, естественной народной мудрости, он обладал «святой плотью», лишенной всяких свойств и отправлений и, в частности, пола.

Характерно то, что лишь тогда, когда авторы относились к «добродетельным дикарям» с сознательным или бессознательным несочувствием, как Гончаров к Марку Воло-

хову или Тургенев к Базарову, лишь тогда они снабжали их некоторыми признаками пола. Эта примитивная бесполость «естественного человека» не могла длиться вечно. Глубокие химические реакции, вызванные революционными движениями девяностых годов, разъели плеву стыдливости и создали потребности в новых моральных критериях уже в области пола. Идеал естественного человека, излюбленный и воспитанный русской литературой, был готов к услугам новых беллетристов, оставалось лишь наполнить его новым содержанием. Арцыбашев создал Санина.⁴ Этого можно было ожидать. Санин – неизбежное звено в эволюции естественного человека. Литературная критика не признала этого нового «добродетельного дикаря» добродетельным. Она была шокирована, испугана, возмущена... И совершенно напрасно, так как он был создан в самых лучших традициях русского идейного романа. Что сами традиции плохи – это уж другое дело.

Естественный человек остался в лице Санина по-прежнему прямолинейно честен и добродетелен, но, прикоснувшись к самой «естественной» области человеческой души, – к области пола, в которой все существует лишь психологическими условиями, он оказался смешон, нелеп и возмутителен.

Впрочем, молодежь, для которой специально и предзначается эта кухня идеалов, не отвернулась, не проглядела, но приняла и одобрила этого нового дикаря, нового учителя жизни. Тип нового «естественного человека», нового апостола борьбы с «условностями» в области пола, привился и размножился. Арцыбашев еще грешит кое-где объективной художественностью. А. Каменский стоит уже вне этих слабостей. Он весь пламенеет пафосом проповедника «новых отношений». Это дает ему силу. Мы помним, как его вопль о том, что невозможно незнакомым людям приходить в чужие квартиры,⁵ вызвал целое движение и образование общества «Одиноких»,⁶ которое ставило себе целью создать такие условия жизни, чтобы каждый мог войти в незнакомый дом в любой час и быть встреченным там разговором и самоваром. Мы ничего не знаем о дальнейшей судьбе этого общества, но

новый роман А. Каменского «Люди» представляет естественное развитие тех идей, которые были положены в основу вышеупомянутого рассказа.

Этот роман проникнут единой и страстной проповедью против условности.

«Главное – искренность, искренность, искренность. Пока люди будут говорить заученные фразы и проделывать заученные жесты, не может быть счастья на земле»...⁷ «Трудно было понять, кто настоящий хозяин громадной, заставленной всшами квартиры – вещи или живые люди? С ненужной осторожностью, чуть не на цыпочках ступали по коврам и в неудобных придуманных позах, раздвигая фалды сюртуков и откидывая в сторону подолы юбок, садились на хрупкие диванчики и на стулья... Трусливо оглядевшись по сторонам, вдруг закидывали голову и с безумной яростью запускали зубочистки в рот. Ненавидели всею душой и мысленно ругали самой площадной бранью соседа, заслонявшего дорогу к вазе с зернистой икрой, или даму, с кокетливой улыбкой просившую передать как раз намеченный остаток закуски»⁸... «Нет иной причины, кроме яркого электрического света и по-незнакомому расставленной мебели, к тому чтобы сорок совершенно независимых друг от друга человек на разные лады лгали сами перед собою. Каждый из них в отдельности способен быть искренним в четырех знакомых стенах, когда, гrimасничая перед зеркалом, он выкрикивает ему одному известные, причудливые, стыдные слова, или танцует на одной ноге от радости, или щиплет сам себя от злости. И он отлично знает, что так же, по соседству с ним, за стеной, поступает и другой, и третий»⁹... «Есть какая-то основная и притом ужасно легко поправимая ошибка в отношениях между людьми, делающая обстановку, костюмы, жесты и вообще условность нашими настоящими господами. И одна возможность, по договору, ну там вроде игры в фанты, что ли, пренебречь всем этим – могла бы радикально обновить жизнь».¹⁰

Вот основные мотивы недовольства формами жизни у Анатолия Каменского. Идейная зависимость их от «Общественного Договора» Руссо и проповеди оправдания Льва

Толстого несомненна. Героем Каменского является «бывший студент» Виноградов – апостол новой естественности.

«Каких-нибудь два года тому назад он сам с волнением переступал пороги аудиторий, слушал очаровательную, шепчущую тишину библиотек, говорил с кафедры в кружках, пока не нашел своего единственного признания, не почувствовал приближения праздника на земле. Долой практические науки, измышляющие устройство изящных тюрем, красивых вместилищ лжи!.. Но что же делать? Только одно: перестать лгать. Если человек – зверь, то дайте ему свободно быть зверем. Если человек – любовь, дайте ему проявить себя до конца, и он сам создаст себе новый союз со всеми».¹¹

Виноградов любит людей. «Вот они, люди, люди, – вот излюбленный тобою, ходящий, говорящий и корчащий все возможные гримасы материал. Радуйся же, купайся в нем, объедайся им, смотри и слушай»,¹² – говорит он сам себе. Его апостольское служение заключается в том, что он, говоря словами Willy,¹³ «поощряет пороки своих современников». Сам же он считает это уроками естественности. Как фанатик идеи, он совершает при этом поступки странные и смешные по внешности, но они не кажутся смешными, а импонируют окружающим. Так он поселяется на чужих квартирах, спаивает мужей, развращает жен, сажает себе на колени старииков-генералов, ведет во всех общественных местах свою проповедь и словами, и поступками. И так велика сила его идеи, что его не бьют, не выгоняют из дома, а скорее все заискивают у него и ищут его дружбы. Такое поведение окружающих указывает с несомненностью на то, что в лице Виноградова мы имеем дело с заветной мечтой Анатолия Каменского о «естественном человеке», с героем, перед которым должны склоняться все фантоши придуманного им мира.

Бескорыстие Виноградова подвергается тяжелому испытанию – тому испытанию, которому авторы всегда подвергают своих героев, чтобы доказать их чистоту и твердость, – любви. Виноградов чувствует, что любит Надежду – строгую и серьезную девушку, дочь профессора и внучку ministra, которую он поставил себе целью освободить и провести через

пол. И все же, ради идеи он отрекается от своей собственной любви. Он отдает ее своему другу Нарановичу, который принимает дам, одетый в черную женскую рубашку, и насилие их через пять минут знакомства не ради идеи, а «для себя». Пред этим Виноградов говорит себе таки патетические слова:

«Ты видишь, настанет день, когда ты, повинувшись себе, предашь Надежду и только не будешь стоять в дверях, ибо тут, кроме всего остального, тебе будет нужно победить самое страшное, самое последнее – любопытство. Ты сделаешь это потому, что ты не боишься за нее, и потому, что ты не найдешь для нее лучшего зверя, чем Наранович, и, любя ее – да, ты уже любишь ее – ты поведешь ее жестокой, верной и ласковой рукой теми путями, которыми шел сам, все испытавший, ничем не пресытившийся и чистый, и, если ты теперь победишь в себе самом остатки деспота, собственника и лицемера, ты будешь счастлив потом... Сделай себя лучшим для нее. Закали свою любовь отречением и утратой, и твоя будет твоим. Ты разжег в ней любопытство, и неужели эгоизм самца может остановить тебя на полпути? Веди же ее туда, куда хотел. Стой в стороне, смотри на нее мгновенно и кротко, и говори свое: «Так надо. Хорошо». Пусть жадный зверь поглотит ее, твою будущую невесту, а ты стой и говори: «Да, да, все хорошо». Пусть твоя проповедь будет чиста и бескорыстна. Пусть идет, пусть увидит бездну, пусть очистится, чтобы сделаться зрячей, как ты. И если ты не потеряешь ее навсегда, то возьмешь ее большой, равной себе».¹⁴

Этот монолог указывает на ту нравственную высоту, на которой стоит благородный, честный и самоотверженный Виноградов. Естественно, что все сбывается так, как он сказал. Он сводит Надежду с Нарановичем, сам почти умирает от мук ревности, но побеждает свою боль. Дед-министр один все видит, понимает и благословляет подвиг Виноградова: «Знаю все, знаю про жертву. По-моему, напрасно. Мог добиться сам. Идею твою понял. Бесполезный героизм. Мог самому себе поверить на слово»¹⁵...

Умный дед-министр умирает и оставляет Виноградову наследство. Надежда после романа с Нарановичем выходит

замуж за знаменитого писателя (но идиота) Березу. Но добродетель должна быть вознаграждена: Надежда убегает от Березы вместе с Виноградовым.

Ввиду того, что этот роман совершенно лишен каких бы то ни было художественных достоинств, которые могли бы подкупить эстетические вкусы наивных читателей, можно пожелать ему наиболее широкого распространения. Он с редкой наглядностью выявляет известные слабые стороны русского идейного романа, настолько защищенного именами корифеев русской литературы, что даже карикатуры «добродетельных дикарей» у Горького, Леонида Андреева и Куприна не могли его окончательно дискредитировать. Еще несколько таких наглядных образов, как «Люди» Каменского, и можно будет освободиться от обязанности относиться серьезно к таким литературным проповедям. Пока же их популярность не позволит это сделать.